эмоциональных переживаний. Однако заметим, что в настоящее время наблюдается резкое снижение количества содержательных духовно-нравственных бесплатных образовательных и культурно-оздоровительных услуг для детей и подростков, что, конечно, негативно сказывается на становлении личности – отношении ребенка. Можно отметить тот факт, что в современных социально-экономических условиях увеличилось количество детей с деструктивной самооценкой (заниженной, завышенной, несформированной), что является одной из важных причин из деструктивного поведения, социально неадекватного отношения к деятельности, духовно-нравственной незрелости.

Литература

Рубинштейн С Л Основы общей психологии. Л., 1940.

Имплицитные концепции личности атеиста и верующего в постатеистическом обществе

Г. В. Иванченко, Н. В. Кошелева, Е. Н. Осин (Москва)

Для современной западной цивилизации характерно как падение интереса к религии среди широких слоев населения, так и интерес к нетрадиционным ее формам. В западных странах снижается посещаемость храмов, но вместе с тем происходит увеличение не только числа людей, причисляющих себя к агностикам или атеистам, но и приверженцев новых религий и культов, а также фундаменталистских версий традиционных религий. В России, где число людей, относящих себя к верующим, за несколько лет начала 1990-х выросло более чем вдвое, атеисты оказались в меньшинстве среди приверженцев традиционных конфессий и нетрадиционных культов. Однако атеисты по-прежнему представляют собой весьма неоднородную группу.

В то же время, если для отнесения человека к верующим существуют более или менее общепринятые системы социологических индикаторов (частота посещения служб и т. д.), то даже определить количество атеистов в мире достаточно сложно: участники опросов могут по-разному понимать термин «атеизм» и различия между атеизмом, нерелигиозными верованиями, нетеистическими религиями и духовными практиками. Помимо этого, в некоторых религиозных странах люди стараются не демонстрировать свои атеистические взгляды с целью избежать дискриминации и преследований. Крите-

рий самоидентификации, как правило, недостаточен: многие, называющие себя атеистами, признают существование «каких-то высших сил», что, впрочем, характерно и для ряда относящих себя к верующим.

В зарубежной психологии некоторое внимание все же уделяется атеизму и различным другим формам внерелигиозного сознания. Одним из основных направлений стало изучение различных форм идентификации в силу чрезвычайной значимости самоидентификации субъекта для предсказания вхождения его в те или иные группы (сети), его отношения к тем или иным практикам и т. д. Помимо привычных нам «атеизма» и «агностицизма», большое распространение получил концепт «apostasy» («отступничество») – ранее религиозный субъект отказывается идентифицироваться со своей конфессией, не переходя, однако, к другой и не заявляя о своем атеизме. Подробно этот феномен был описан Д. Капловитц и Ф. Шерроу в 1977 г. (Caplovitz, Sherrow, 1977).

В эмпирических исследованиях факторов, влияющих на внерелигиозную социализацию индивида (Hunstberger, 1983; Hunstberger, Brown, 1984; Dudley, 1987) выяснилось, что наибольшее влияние оказывают либо интеллектуальная ориентированность подростка (обычно отвергающего тогда семейные традиции религиозности), либо небольшое внимание, уделяемое религии в семье, особенно если мать нерелигиозна. Также была установлена отрицательная связь между уровнем образованности и религиозности, причем во многих странах – США, Канаде, Австралии (Hogan, 1979; Veevers, Cousineau, 1980; Ley, Martin, 1993). О связи между нерелигиозностью и более либеральными социальными и политическими установками писал еще Т. Адорно. В довольно масштабном исследовании Nelson (1988) эта закономерность подтвердилась.

Представляется, что на выбор субъектом мировоззрения влияет не только и не столько «объективная картина» (например, соотношение верующих и атеистов, распределение их в различных поколенческих, субкультурных, профессиональных и т. п. стратах), сколько то, как большинство людей представляет себе «типичного верующего» и «типичного атеиста», с какими личностными качествами в их сознании связываются представления о том, что значит быть верующим или атеистом.

В последние десятилетия популярным направлением психологических исследований стало изучение имплицитных концепций личности и обыденных представлений людей о тех или иных явлениях и свойствах. В основном изучение имплицитных концепций опирается на работы Дж. Брунера и Р. Тагиури, которые ввели это понятие. Существенный вклад внес Дж. Келли и его теория лич-

ностных конструктов. В социальной психологии основная масса работ представлена в рамках теории социальных репрезентаций С. Московичи. Согласно его подходу, имплицитные концепции личности, которые представлены в виде системы связей между чертами, позволяют человеку на основе информации о наличии определенных черт у партнера по общению быстро выдвигать гипотезы о наличии у него других черт. Можно сказать, что это устойчивое, прижизненно сформировавшееся у человека представление о взаимосвязи внешнего облика, поведения и черт личности людей, на основе которого он судит о людях в условиях недостаточной информации о них.

Из отечественных исследований назовем, прежде всего, изучение представлений об умном человеке Н. Л. Смирновой (Александровой). В представлениях об умном человеке ведущим фактором оказался социальный (аналогично данным на японской выборке). Всего было выявлено 5 факторов: социально-этический фактор, фактор культуры мышления, фактор самоорганизации, фактор социальной компетентности, фактор опытности (Смирнова, 1995, 2002). Повторное исследование, проведенное Н. Л. Александровой в 2004 г., показало, что представления претерпевают «вестернизацию» и на первое место вышел когнитивный фактор, но социально-этический фактор все равно присутствует в представлениях россиян об умном человеке (в американском исследовании данный фактор отсутствует) (Александров, Александрова, 2007). Также можно отметить исследования М. И. Воловиковой и Л. Л. Гренковой современных представлений о порядочном человеке (Воловикова, Гренкова, 1997) и Е. А. Чудиной – представлений об эмоционально зрелой личности (Чудина, 2005).

Собственно имплицитные концепции личности атеиста и верующего человека в российской психологии еще не изучались. Одной из задач нашего исследования было выявление имплицитных концепций личности атеиста и верующего человека современных студентов, а также гендерные особенности этих концепций.

Социальные представления о личности атеиста и верующего изучались нами по схеме, предложенной в работах С. Московичи и Р. Стернберга. На первом этапе необходимо было определить, какие характеристики «убежденного атеиста» и «глубоко верующего человека» наиболее часто встречаются в обыденных представлениях. Студентам различных факультетов ГУ-ВШЭ (г. Москва) предлагалось составить портрет «убежденного атеиста» и «глубоко верующего человека» в той форме, в которой они считают нужным. Всего было опрошено 167 респондентов. Среди их ответов было обнаружено свыше 60 свойств, присущих «атеисту» и «верующему человеку», из которых нами было выбрано по 30 наиболее часто встречающихся.

Среди наиболее часто отмечаемых качеств личности атеиста были названы нигилизм, рационализм, рассудительность, прагматичность. Значимые различия ($p < 0,05$) в оценках девушек и юношей были обнаружены для таких качеств, как реалистичность и агрессивность (в отличие от девушек, юноши отмечали эти качества существенно реже). Среди наиболее часто отмечаемых качеств личности верующего были названы доброта, моральность, неуверенность в себе, способность к пониманию других. В совокупности выбранные признаки отражали черты характера, особенности мотивационной, аффективной и когнитивной сфер личности, степень ее психического здоровья и уровень образованности.

На втором этапе исследования испытуемым (студенты ГУ-ВШЭ, 206 человек, средний возраст – 18,8) было предложено оценить качества (по 30 в каждой анкете) – насколько они присущи «глубоко верующему человеку» и «убежденному атеисту» (по 5-балльной шкале, от 1 – совершенно несвойственно до 5 – безусловно свойственно). Использовалась также анкета «24 добродетели» (Е. Осин, на основе опросника Values-In-Action К. Петерсона и М. Селигмана) Для того чтобы отнести респондента к атеистам, верующим или неопределившимся, использовались вопросы: «Считаете ли Вы, что на определенных этапах эволюции Вселенной не обошлось без божественного (сверхъестественного) вмешательства?» и «Согласны ли Вы с той точкой зрения, что после смерти бытие человека прекращается?» (критерий самоидентификации респондента как атеиста или верующего, на наш взгляд, недостаточен и должен быть дополнен «квалификационными вопросами»).

По анкете «24 добродетели» испытуемым предлагалось оценить каждую из 24 добродетелей: 1) по важности (важность); 2) по наличию/проявлению у себя (я сам); 3) то же самое у верующего (верующий); 4) то же самое у атеиста (атеист). После удаления части невалидных анкет (23,15%) осталось 166.

Наиболее важными для студентов оказались (по убыванию): жизненная энергия, гибкость мышления, любовь, чувство юмора, упорство, доброта, благоразумие, мудрость; наименее важны (по убыванию): креативность, социальный интеллект, любопытство, непредвзятость, лидерство, скромность, причастность общему делу и религиозность. Очевидно, что наиболее важные качества более консистентны и вместе создают портрет, близкий «самоактуализирующейся личности», в то время как большинство качеств, отмеченных как наименее важные, довольно противоречивы: например, скромность и причастность общему делу, с одной стороны, и лидерство, с другой стороны.

Далее, отмечая наличие/отсутствие добродетелей у себя, российские студенты считают, что им достаточно религиозности, скромности и причастности общему делу, но недостает всех остальных добродетелей.

Сравнивая верующего и атеиста, российские студенты считают, что у верующего:

1) более развиты: религиозность, надежда, благодарность, способность прощать, скромность, доброта, искренность, причастность общему делу, любовь;
2) примерно так же или чуть больше развиты: мудрость, чувство прекрасного, самоконтроль, социальный интеллект;
3) менее развиты (по усилению признака): благоразумие, непредвзятость, интерес к учению, жизненная энергия, храбрость, упорство, креативность, любопытство, гибкость мышления, чувство юмора и лидерство.

Представленные ниже данные получены с помощью t-критерия Стьюдента (***$p < 0{,}001$, **$p < 0{,}01$, *$p < 0{,}05$). Гендерные различия в имплицитных концепциях верующего и атеиста проявились в том, что, во-первых, мужчины, по сравнению с женщинами, еще менее склонны приписывать атеисту искренность**, любовь**, любопытство*, мудрость*. Во-вторых, мужчины менее склонны приписывать верующему благодарность* и надежду*, но более склонны – креативность*, лидерство*, храбрость** (по их мнению, последние три качества у верующего слабее развиты, чем у атеиста, но этот разрыв меньше, чем у женщин).

И вкратце остановимся на различиях между теми, кто разделяет либо не разделяет основные положения религиозного мировоззрения. Если человек согласен, что в ходе эволюции не обошлось без божественного вмешательства, то для него более важны благодарность*, доброта**, искренность**, религиозность***, скромность**, способность прощать**, но менее важны гибкость мышления* и чувство юмора*; он более склонен приписывать себе религиозность**; он менее склонен приписывать атеисту гибкость мышления**, надежду*** и чувство прекрасного*; он более склонен приписывать верующему благоразумие***, гибкость мышления*, интерес к учению*, любопытство*, мудрость**, чувство прекрасного** и чувство юмора*, но менее – причастность общему делу* и религиозность*; по его мнению, у верующих более развиты благоразумие***, гибкость мышления***, любопытство*, мудрость*, надежда*, храбрость*, чувство прекрасного***, чувство юмора**. При этом обе группы считают, что верующим, по сравнению с атеистами, не хватает гибкости мышления, любопытства, храбрости

и чувства юмора, но у людей, положительно отвечающих на этот вопрос, эта разность не столь велика.

Если человек согласен, что со смертью тела прекращается бытие человека, он меньше приписывает себе религиозность**; он меньше приписывает верующему благоразумие***, гибкость мышления*, любовь*, самоконтроль* и чувство прекрасного*; он сильнее склонен считать, что у атеистов более развиты благоразумие** и гибкость мышления**.

На наш взгляд, полученные результаты во многом сложнее бытующих стереотипов в отношении верующих и атеистов. При нарастающем понимании и согласии с тем, что выбор религии глубоко личный. Немалое число людей в России, да и не только в России, убеждено в том, что неверующий не может быть нравственным и духовным субъектом. Качества и «добродетели», приписываемые верующему, в отличие от атеиста, в основном касаются моральной сферы, однако не являются чисто когнитивными или сугубо «достиженческими» те ценности, которые приписываются атеистам и кажутся более присущими им, нежели верующим: благоразумие, непредвзятость, интерес к учению, жизненная энергия, храбрость, упорство, креативность, любопытство, гибкость мышления, чувство юмора и лидерство (особо отметим, что среди этих качеств и добродетелей есть наиболее важные для респондентов – жизненная энергия, гибкость мышления, чувство юмора, благоразумие).

В условиях, когда выбор конфессии и даже выбор между внерелигиозными и религиозными убеждениями в целом имеет тенденцию рассматриваться как имманентно заданный, как «предписанный статус» в социологическом смысле (например, «жители России – испокон веков православные»), очевидно с большей вероятностью можно будет встретить атеиста, чей мировоззренческий выбор продуман и взвешен, порой выстрадан, нежели выбор верующего со столь же продуманной позицией.

И перечисленные выше качества, приписываемые респондентами атеисту, подтверждают его возможность рационально выбрать мировоззренческую позицию (непредвзятость, интерес к учению, упорство, креативность, любопытство, гибкость мышления). На наш взгляд, подлинный атеизм есть результат сознательного выбора и утверждения своей мировоззренческой позиции (подробнее см. Иванченко, 2009). Подобно тому, как существует поверхностная и глубокая религиозность, есть разный атеизм.

С социологической точки зрения, распространение поверхностной религиозности выступает как религиозный индифферентизм, вызванный в первую очередь тем, что в индивидуалистическом об-

ществе религия становится частным делом человека, не обладая социально мобилизирующим действием. Поверхностный атеизм также возможен, хотя распространенность этой позиции, безусловно, была выше в советские времена. Хотя язык навязывает образ нехватки, отрицания, отсутствия чего-то в атеизме, однако сознательный выбор атеизма может рассматриваться как позитивный ресурс для совладания с «предельными ситуациями» (принятия смерти, экзистенциального одиночества и т. д.). В имплицитных концепциях личности атеиста наиболее значимыми аспектами атеизма как ресурса для совладания с предельными ситуациями оказались все те же добродетели благоразумия, непредвзятости, интереса к учению, жизненной энергии, храбрости, упорства, креативности, гибкости мышления. Имплицитные концепции личности атеиста (имеющиеся у студенческой молодежи) вполне отражают присущие убежденному атеисту веру в человека, в возможность его нравственного и интеллектуального совершенствования (не ограниченного «первородным грехом» и не нуждающегося в божественном промысле), понимание своей личной ответственности за принимаемые решения и поступки, понимание ценности жизни в силу ее единственности и временной ограниченности. Имплицитные концепции глубоко верующего человека также выявляют ресурсы совладания с предельными ситуациями, но ресурсом в этом случае выступают религиозность, надежда, благодарность, способность прощать, скромность, доброта, искренность, причастность общему делу, любовь, т. е. добродетели, отражающие способность взаимодействовать с людьми и доверяться Богу.

Литература

Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт и культура. Структура и динамика // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 1. С. 3–46.

Воловикова М. И., Гренкова Л. Л. Современные представления о порядочном человеке // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 93–111.

Иванченко Г. В. Атеизм и религиозный индифферентизм как выбор: к проблеме субъектности // Проблемы психологии субъекта. Сборник научных трудов. М.: ИП РАН, 2009.

Смирнова Н. Л. Имплицитные концепции интеллекта: представления об умном человеке в обыденном сознании: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1995.

Смирнова Н. Л. Типы социальных представлений об интеллектуальной личности // Современная психология: Состояние и перспективы исследо-

ваний. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности: Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 129–139.

Чудина Е. А. Представления об эмоционально зрелой личности: структура, содержание, критерии // Психологические исследования личности: Сборник работ молодых ученых / Отв. ред. Е. А. Чудина. М.: ИП РАН, 2005.

Caplovitz D., Sherrow F. The Religious Drop-Outs: Apostasy Among College Students. Beverly Hills: Sage, 1977.

Dudley R. L. Alienation from religion in adolescents from Fundamentalist religious homes // Journal for the Scientific Study of Religion. 1987. V. 17. P. 389–398.

Hogan M. Australian secularists: The disavowal of denominational allegiance // Journal for the Scientific Study of Religion. 1979. 18. P. 390–404.

Hunsberger B. Apostasy // Review of Religious Research. 1983. 25. P. 21–38.

Hunsberger B., Brown L. B. Religious socialization, apostasy, and the impact of family background // Journal for the Scientific Study of Religion. 1984. 23. P. 239–251.

Ley D., Martin R. B. Gentrification as secularization: the status of religious belief in the post-industrial city // Social Compass. 1993. 40. P. 217–283.

Nelson L. D. Disaffiliation, desacralization, and political values // D. G. Bromley (ed.) Failing from the Faith. Causes and Consequences of Religious Apostasy. Newbury Park: Sage, 1988.

Veevers J. E., Cousineau D. F. The heathen Canadians: Demographic correlates of non-belief // Pacific Sociological Review. 1980. 23. P. 199–216.

Духовно-нравственное становление детей 6–11 лет в современном российском обществе

Н. Г. Капустина (Сургут)

В Концепции государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в России и защиты их нравственности актуальность разработки данной проблемы определена следующим образом: «Мировой исторический опыт свидетельствует о том, что экономические достижения государства и материальное благосостояние граждан, сами по себе, не гарантируют духовное и нравственное развитие общества». И далее следует предупреждение о том, что наше общество «...вплотную приблизилось к грани, за которой могут последовать необратимые процессы духовно-нравственной и физической деградации, фактического вырождения российского народа». При сохранении имеющихся тенденций в исторически недалекой перспективе Россия столкнется с риском исчезновения (Концепция...). К сожалению, в документе внимание акцентировано

УДК 159.9
ББК 88
П 86

П 86 **Психология человека в современном мире.** Том 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.) / Ответственные редакторы: А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т.А. Ребеко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 412 с.

ISBN 978-5-9270-0173-6 УДК 159.9
ББК 88

Данный сборник научных трудов – материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося отечественного психолога Сергея Леонидовича Рубинштейна (1889–1960). Представленные материалы являются тематическими и посвящены обсуждению вопросов духовно-нравственного становления человека в современном российском обществе и проблемы индивидуальности в трудах отечественных психологов.

Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции (том 6) изданы при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант № 09-06-14 080г

© Институт психологии Российской академии наук, 2009

ISBN 978-5-9270-0173-6